

У Валентина Нервина свой совершенно проявленный голос и поэтический жест, своя интонация. Книга стихотворений, написанных в 2015–2017 годах, подтверждает это всем корпусом стихов. Автор видит окружающий мир особым, неповторимым взглядом, независимо от того, с чем сталкивается его душа, что он приемлет или не приемлет в этой жизни. Проще говоря, у поэта свой, отличный от нашего, угол зрения:

Важно это вам
или неважно,
даже если по фигу уже:
облака всегда многоэтажны –
я живу на верхнем этаже.
Ловко это вам
или неловко
подниматься прямо в облака –
у меня воздушная «хрущёвка»,
непоколебимая пока.
Лепо это вам
или нелепо:
в пику фраерам и докторам,
у меня – на все четыре – небо
и на кухне свет по вечерам.

В его стихах присутствует мудрая простота, поднимающая стихотворную речь над обыденным явлением жизни или, наоборот, обнаруживающая нечто важное в самом простом событии и факте.

Вечность обыденна, сиюминутна
и не имеет особых примет,
а потому догадаться нетрудно,
что никакого бессмертия нет.
Я сожалею о дне быстротечном:
даже поэту на Страшном суде
хочется думать о добром и вечном,
а получается –
о ерунде.

Если к сказанному добавить, что у Нервина природное чувство юмора, его неизменно тонкая ирония (и самоирония) вызывает читательское доверие и живой отклик на каждое стихотворение.

Живу по мере быстротечности,
как облака или трава,
и присобачиваю к вечности
недолговечные слова.

Нервин не взрывает окрестности пафосным и эффектным восклицанием, поскольку видит в читателе собеседника, способного вслушиваться в поэтический разговор о главных для него и читателя жизненных ценностях. А поскольку он – по всей своей природе – поэт лирический, любовная лирика его – чиста и прозрачна, как родниковая вода.

Душа и природа
настолько близки,
что соприкасаются накоротке;
поэтому, даже судьбе вопреки,
я вижу любимую в каждом цветке.
Любая фиалка
цветёт на виду,
и в ней отражается чья-то звезда,
поэтому я никуда не уйду
и наша любовь не умрёт никогда.

Жизнь прекрасна сама по себе, и в ней хватает красоты и радости, ощущения выполненных трёх заветов: дом построен, сын рождён, дерево посажено. Кажется, что мир воспринимается, как абсолютная гармония:

Весело жить-поживать
на безоглядном просторе! –
солнце идёт ночевать
прямо в открытое море...

...Мы никому не должны,
и заглушает обиды
шёпот мускатной волны
у берегов Атлантиды.

Тем не менее, в этой солнечной книге немало стихов о человеческих бедах, о потерях, о несовершенстве этого мира, о поисках смысла жизни, о боли и печали. Но поэту дано счастливое право переплавлять эту печаль в живую музыку слова.

Не всякий подарок от Бога,
и по-человечески жаль,
что радости в жизни немного,
зато неизбывна печаль.
Судьба не щедра на улыбки,
но для музыкальных людей
Бог изредка делает скрипки
из долгой печали моей.

Своеобразны стихи поэта, связанные с фактами биографии и событиями жизни известных людей, исторических фигур, знаковых имён. И здесь обнаруживается цепкость взгляда и глубина поэтической речи автора, неожиданность возникающих сопоставлений и ненавязчивое высказывание своего отношения к теме:

Поэту Симонову было
тогда не больше тридцати:
весна цвела, жена любила,
у поколения – в чести.
У времени свои законы:
его лирический герой
носил армейские погоны
и португею с кобурой...
...Настало время одиночек,
седого дыма без огня,
и больше не случилось строчек
пронзительнее: – Жди меня...
Война списала на потери
все категории добра,
и на потёртой португее
висит пустая кобура.

Поворот мысли в стихах Нервина всегда неожиданный, а потому и производит яркое впечатление на читателя, побуждая его задумываться, вызывая желание переосмыслить, казалось бы, привычные события.

Со временем собака одряхлела
и не рвалась навстречу с поводка,
а детская душа моя болела
за то, что жизнь собачья коротка.
И, словно понимая чувства эти,
она меня жалела, потому
что мне ещё так долго жить на свете, —
так долго жить на свете
одному...

Слово в строке Нервина всегда стоит на своём месте, что определяется не только смысловой точностью стиха, но и его музыкальностью — скрытая ненавязчивая звукопись поддерживает эту музыку поэзии Валентина Нервина. Настоящей поэзии.